

М. А. Сафонова

БРИТАНСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ: RAE И ЕГО КРИТИКА

Британские государственные кампании оценки исследовательской продуктивности (Research Assessment Exercise – RAE, буквально «упражнения исследовательской оценки»), введенные в практику правительством Тэтчер в 1980-х гг., обычно рассматриваются как прототип всех последующих неолиберальных реформ в науке. Общей целью этих реформ провозглашается повышение эффективности реформируемого сектора (в данном случае сектора фундаментальной науки) за счет внедрения рыночных механизмов и поощрения конкурентного начала. В рамках проекта, направленного на изучение механизмов управления наукой и их влияния на академические карьеры, автором исследовалась практика проведения RAE и их последствия. Основные источники данных, которые обсуждаются в данной статье, это (1) неформализованные интервью с британскими учеными-социологами, имевшими опыт управленческой работы на ключевых университетских должностях, и (2) официальные документы, производимые в ходе кампании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: высшее образование в Великобритании, оценка исследовательской продуктивности, управление наукой.

М. А. Safonova

The UK experience of research performance assessment: the RAE and its critics

Research Assessment Exercises (RAE), introduced in the UK by the Thatcher's government, are widely regarded as the prototype of all subsequent academic neoliberal reforms which took place in the university sector of European countries in 1980–2000s. Attaining greater research and financial efficiency of the academic sector was declared as the main goal of these reforms. Promotion of market-based instruments and emphasis on the open competition inside the university sector were basic policy principles which influenced the design of RAE. The study of RAE practices and consequences reported in this article has been conducted in the framework of a broader project, focusing on the systems of university management and their influence on academic careers. The basic data source of the study were (1) interviews with UK social scientists, who had significant experience of both academic and administrative work, and (2) official documents, produced in the course of RAE campaigns.

Key words: higher education in UK, universities, research productivity assessments, science policy.

Начиная с 1980-х гг. университеты во многих европейских странах претерпевают многочисленные организационные трансформации в ходе реформ, направленных на маркетизацию сектора высшего образования и увеличение эффективности его деятельности. Пионером неолиберальных реформ в науке традиционно считается

правительство Тэтчер. Основной тезис этого правительства: университеты стали слишком зависимы от государственного финансирования, но при этом услуги, которые они предоставляют, не отвечают запросам общества. Необходимы реформы, которые, с одной стороны, повысят финансовую автономию университетов, а с другой

стороны, увеличат подотчетность университетов налогоплательщикам. Университеты должны оказаться в ситуации конкуренции за государственное финансирование. Одним из ключевых инструментов контроля качества исследовательской деятельности и создания конкурентной среды в Великобритании являются кампании оценки исследовательской продуктивности (*Research Assessment Exercise – RAE*, буквально «упражнения исследовательской оценки»), введенные в практику консервативным правительством в 1980-х гг.

В рамках проекта, направленного на изучение механизмов управления наукой и их влияния на академические карьеры, автором исследования были проведены практика проведения *RAE* и их последствия¹. Основным методом исследования были неформализованные интервью с британскими учеными-социологами и анализ официальных документов, производимых в ходе кампании. В качестве информантов отбирались старшие профессора, исполнявшие, в дополнение к преподавательским и исследовательским, еще и административные функции; некоторые из них участвовали в организации *RAE* в разном качестве. Читатель должен учитывать, что наши данные отражают преимущественно перспективу именно этой группы. Перспектива младших преподавателей была бы иной. Выбор социологии объясняется тем, что опыт проведения *RAE* в социальных и гуманитарных дисциплинах представляет особый интерес. С одной стороны, способ ее проведения позволяет обойтись без формальных показателей, например основанных на изучении цитирований, которые в целом менее адекватны за пределами экспериментальных естественных наук. С другой стороны, работа экспертных жюри в дисциплинах с низким консенсусом и расплывчатыми представлениями о качестве работы вызывает опасения в отношении возможных злоупотреблений – например, продвижения интересов членов своей школы или клики. Мы рассмотрим, насколько обоснованы эти опасения в британском случае и почему.

¹ Исследование проводилось при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ в 2010–2011 гг., проект «Системы статусного символизма в науке: Сравнительно-исторический анализ и оценка эффективности» (рук. М. М. Соколов). Автор благодарит своих коллег по проекту: Катерину Губу, Татьяну Зименкову, Михаила Соколова и Софью Чуйкину, а также Алистера и Мэри Маколи (Университет Эссекса и Кингс-колледж Университета Лондона) за неоценимую помощь и поддержку в проведении исследования. Данный текст представляет собой расширенную версию параграфа одной из глав готовящейся итоговой коллективной монографии по проекту с рабочим названием «Как становятся профессорами: исследование академических карьер в пяти странах».

Британские академические пятилетки: упражняясь в оценивании исследований

RAE – регулярные кампании по оцениванию качества исследовательской работы вузов – проводятся примерно один раз в пять лет Финансирующим советом по высшему образованию Англии (*Higher Education Funding Council for England – HEFCE*) от имени финансирующих советов Королевства². Результаты оценивания служат для распределения государственного финансирования на исследовательскую деятельность университетов. Оценивание организовано как экспертная оценка (*peer review*). Оценивание производилось в 1986, 1989, 1992, 1996, 2001, 2008 и 2014 гг. Кампания по оцениванию исследовательского продукта 2014 г. была преобразована и переименована в Research Excellence Framework (REF). На момент написания этого текста результаты кампании 2014 г. еще не обнародованы; в силу этого, а также потому, что мы обсуждаем ее на основе характеристик, данных нашими информантами и авторами волны публичных обсуждений в СМИ весны 2009 г. по поводу ее предшественницы, мы будем называть кампанию ее старым именем – *RAE*.

Для того чтобы эксперты могли по заданию *HEFCE* оценить исследовательскую работу университетов, выделены предметные области (*units of assessment – UoA*); например, математика или социология. Университет должен выбрать, к каким предметным областям принадлежит создаваемая им научная продукция, и подать работы для оценивания в соответствующие рецензирующие секции (*peer review panel*). Если исследование выполнено на стыке предметных областей, например политологии и социологии, можно подать работы в обе секции.

Отдельные предметные секции объединены и работают под руководством главной секции (*main panel*). Предметные области объединены по принципу общности методов и предмета. Так, например, субсекции по социологии, антропологии, юриспруденции, политическим и международным исследованиям, социальной работе и социальной

² Финансирующие советы – это общественные органы, которые были созданы в 1992 г. и играют центральную роль в процессе государственного управления сектором высшего образования, но при этом не являются частью правительства или одного из министерств. Финансирующие советы перераспределяют средства государства на институции высшего образования. Являются самым крупным источником финансирования сектора. Всего в Королевстве четыре финансирующих совета: в Англии, Шотландии и Северной Ирландии.

политике, экономике развития (*developmental studies*) работают под руководством одной главной секции. В 2008 г. было 15 главных секций и 67 предметных субсекций, в 2014 г. – 4 главные секции и 36 субсекций. Главные секции были укрупнены, а состав предметных секций увеличен. Заявленные цели укрупнения: (1) достижение более однородного оценивания в разных областях, (2) борьба со случаями слишком идиосинкразических критериев качества, которые часто встречались в гуманитарных науках, и (3) уменьшение случаев двойной подачи пакетов документов, что увеличивало объемы работы экспертов. В итоге, например, социология, политология, социальная работа оказались объединены с географией, городским планированием, архитектурой, что может быть интерпретировано как усиление прикладной ориентации всей кампании.

В 2008 г. в каждую субсекцию могут входить до 15 экспертов, их работой руководит председатель; в 2014 г. размер субсекций увеличен пропорционально предполагаемым объемам работы (в предыдущей кампании у субсекций одинакового размера были несопоставимые объемы чтения и оценивания). В работе субсекции 2014 г. участвовало 24 оценивающих эксперта, не считая председателя и его заместителя. В группу включаются один или несколько наблюдателей, не принадлежащих к академическому миру. Если один из членов группы заявляет о какой-либо заинтересованности в оценках рассматриваемого учреждения и о конфликте интересов, вызванном этой заинтересованностью, то он отстраняется от процесса оценивания.

Председатель и члены секции назначаются директорами финансирующих советов на основании номинаций, сделанных профессиональными организациями, научными обществами и ассоциациями, заинтересованными в результатах научной деятельности³; в эти организации и ассоциации рассылаются приглашения к номинации. Любая другая институция, заинтересованная в исследованиях и не указанная в списке, может номинировать кандидата в члены экспертной секции. Кроме того, учитывают рекомендации тех, кто исполнял обязанности по оцениванию в предыдущих кампаниях. Университеты и другие индивиды не имеют права номинировать кого-либо.

Из общего списка номинирующих организаций мы для примера выделили те, которые могут выдвигать экспертов-социологов на членство в секции RAE: Академия социальных наук

(*Academy of Social Sciences*), Ассоциация преподавателей социальных наук (*Association for the Teaching of Social Sciences*), Британская социологическая ассоциация (*British Sociological Association*), Совет по экономическим и социальным исследованиям, Европейская ассоциация социальных исследований науки (*European Association for the Social Studies of Science*) и др.

В списке много европейских и международных ассоциаций в качестве номинирующих институций для других дисциплин, но, удивительным образом, в случае социологии в кампании 2008 г. нет, например, Международной социологической ассоциации или Европейской социологической ассоциации, хотя заявляется, что оценивается научная продукция мирового уровня, а в критериях оценивания имеются такие эпитеты, как «мировой лидер» или «международное качество» (подробнее об оценках – ниже).

Идеальный член субсекции в официальных документах – практикующий исследователь, пользующийся уважением коллег по цеху, с большим и разнообразным опытом исследовательской работы, желательно в кооперации с частным или публичным сектором и в иностранных организациях. Он должен получать престижные гранты или награды, быть членом редакционных коллегий, председательствовать в ассоциациях (или ученых обществах). Повторное членство в секции поощряется для обеспечения преемственности практик работы; желательно, чтобы как минимум треть членов секции предыдущей кампании оказалась в секции новой. Так, из 15 работавших в секции по социологии кампании 2008 г. в кампанию 2014-го переключались 8 человек, включая председателя. В регулирующих RAE документах заявлена необходимость разнообразия, которое должно репрезентировать разнообразие в исследовательском сообществе – в смысле возраста, гендера, этнического происхождения, географии и ориентации университета [4].

Информант, многократно входивший в комиссии RAE, проливает свет на другие принципы ее формирования в разных дисциплинах:

Если мы возьмем секцию, которая собирается рассматривать исследования в области классической филологии, а им сейчас учат только в элитных университетах, [то тогда] все члены секции будут из университетов группы «Рассел»⁴. Опять же, некоторые из больших дорогих наук...

⁴ Группа «Рассел» (Russell Group) – объединение самых старых, богатых и больших университетов, большая часть которых имела источник генерирования значительного современного дохода – медицинские школы. Создано в 1994 г. как реакция на присвоение в 1992 г. статуса университета большому числу образовательных учреждений, ранее ориентированных на прикладное образование. Сегодня в объединение входит 24 университета.

³ См.: <http://www.rae.ac.uk/pubs/2004/03/bodies.asp> (дата обращения: 04.10.2014).

Я уверена, что, когда Королевское общество номинирует людей на участие в секции по химии, они думают только о департаментах химии из группы «Рассел». Но конечно, когда речь идет о чем-то вроде образования или социологии, то все более эгалитарно по своей философии... Социологическая секция должна одновременно включать и мужчин и женщин, по крайней мере 50/50. У нас должен быть кто-то цветной. У нас должен быть представитель геев или лесбиянок, хотя бы один. У нас должен быть кто-то из Уэльса, кто-то из Шотландии, кто-то из Северной Ирландии. Считается, что у нас должны быть люди из старых и новых университетов⁵. И когда социология теряет кого-то потому, что он стал вице-канцлером, мы перебираем все эти критерии: мы потеряли человека, который был белым гетеросексуалом из нового университета... Мы должны найти другого, и мы должны поставить галочки во всех тех же графах. Я уверена, что в секции по химии доминируют люди из группы «Рассел». И панель расставляет приоритеты соответственно. Я предполагаю, что кто-нибудь из Эджхила⁶ —

если бы у них была химия — не заполучил бы никого в секцию и остался бы без высоких оценок. Поэтому социология в Оксбридже⁷ получает низкие баллы. Это, я считаю, настоящая лакмусовая бумажка, которая показывает, оценивает ли панель на самом деле работу или репутацию. Потому что, если бы вы оценивали репутацию, Оксфорд и Кембридж были бы на вершине в каждой дисциплине. А они не там.

*Жен., 1940-х гг. р., доцент,
«университет XIX века»⁸*

Анализ реальных составов социологических секций заставляет, однако, задуматься о том, прошла ли социология этот тест «на кислотность». Из 26 ее участников в 2014 г., например, только двое представляли университеты «пост-1992» (Плимут и Восточный Лондон), хотя один из них был председателем. При ближайшем рассмотрении, тем не менее, профессиональная траектория председателя панели не дает возможности привести его в качестве примера демократизма RAE: он учился по одной из программ Лондонской школы экономики и большая часть его карьеры прошла в университете Эссекса, стоящем в национальной иерархии несравненно выше Плимута. В целом членство в секции было примерно поровну поделено между «старейшими университетами» и самыми сильными «стеклянными» и «краснокирпичными», а группа «Рассел» в ней преобладала. По всей видимости, представительство при отборе кандидатов действовало отчасти по принципу «семейного различия»: каждый из кандидатов отклонялся от эталонного белого гетеросексуального мужчины из Оксбриджа не более чем по одному, максимум двум параметрам.

Оценка департамента кумулятивная: в ходе кампании 2008 г. помимо (1) качества исследовательского продукта оценивалась (2) исследовательская среда (*research environment*) и (3) оказанные ему знаки почтения («индикаторы почтения», *esteem indicators*). Каждый из индикаторов вносит неравнозначный вклад в общую оценку департамента: исследовательский продукт дает 75 % оценки, среда — 20 % и почтение — всего 5 % [3, р. 51]. Акцент делается на то, что оцениваются не отдельные персоналии, но исследовательские подразделения — и по критериям «абсолютного стандарта качества», а не относительно качества других исследовательских продуктов [3, р. 9].

Каждый департамент должен заполнить форму, которая описывает его исследовательскую среду

⁵ Британская университетская система в целом крайне иерархична, и позиция в иерархии в основном определяется возрастом и объемом накопленных ресурсов. На самой вершине лестницы находятся университеты так называемого «золотого треугольника»: Оксфорд, Кембридж и, чуть ниже, основанные в XIX — начале XX в., накопившие существенный целевой капитал колледжи Лондонского университета (например, Лондонская школа экономики и политической науки). Ближайшую к ним, вторую позицию в иерархии занимают учебные заведения, созданные в XV — начале XX в., однако расположенные в некотором отдалении от столицы империи как центра распределения экономических и политических ресурсов. В эту же группу входят старейшие университеты Шотландии, не получившие в качестве студентов детей правящей элиты и потому не накопившие тех ресурсов, которые в XVI–XIX вв. смогли получить Оксфорд и Кембридж. В этой же группе мы находим университеты, созданные в XIX и особенно в начале XX в. Последние (например, Манчестер, Ливерпуль, Лидс) создавались в крупных промышленных городах, при поддержке местных бизнесменов и с самого начала были ориентированы на естественно-научное и инженерное образование. Поскольку главные здания этих университетов построены из красного кирпича, они обозначаются лейблом «краснокирпичные» (*red-brick*). Третья ступень в университетской иерархии принадлежит университетам, основанным в 1960-х на волне реформ лейбористского правительства, в эпоху сильного расширения сектора высшего образования под лозунгом «дайте высшее образование всем, кто может его получить». Их называют стеклянными (*plate-glass*), так как здания этих университетов в соответствии с основными трендами архитектуры 1960-х представляют собой железобетонные конструкции, заполненные листовым стеклом. Четвертая, самая последняя ступень этой иерархии — университеты, созданные после 1992 г. из учреждений третичного образования, которые ранее только готовили к получению степени, однако не могли ее присваивать и были ориентированы в основном на прикладное образование. Их называют новыми университетами, «бывшими политехниками» или университетами «пост-1992». Это самые молодые и наименее престижные высшие учебные заведения [2].

⁶ Слово используется для обозначения нового университета, из категории «пост-1992», обладающего небольшими объемами престижа и материальных ресурсов, расположенного в малоизвестном городке.

⁷ Обозначение Оксфорда и Кембриджа на британском академическом жаргоне.

⁸ См. об этой категории в сноске ранее.

и в которой поясняется, как эта среда способствует поддержанию «живой» (vital) исследовательской культуры. Составляющими исследовательской среды являются качество материальной инфраструктуры для персонала и студентов, наличие исследовательских групп и их достижения, условия для конференций и семинаров, связь между преподаванием и исследованием, меры для поддержки междисциплинарных исследований, отношения с частным и публичным секторами. При оценивании учитывается количество докторантов, которые участвуют в исследованиях, количество магистерских и докторских степеней, полученных студентами департамента в оцениваемый период. В оценку включаются размеры и источники грантов, что должно побуждать университеты искать дополнительный по отношению к базовому государственному финансированию доход. Все характеристики соотносятся с числом нанятого на полные контракты (*Full Time Equivalent – FTE*) академического персонала [3, p. 47–49].

Для расчета индикатора почтения, т. е. знаков внимания со стороны научного сообщества и широкой общественности, учитывалось все то, что обычно принято помещать в хорошее персональное резюме: участие в редакционной работе журналов, пленарные доклады на международных конференциях, членство в совещательных комитетах органов власти или организаций коммерческого и некоммерческого сектора, международное признание, включая международное сотрудничество, стажировки, руководящие позиции в международных ассоциациях, рецензирование для национальных или интернациональных грантодателей, серьезные награды [3, p. 49].

В кампании 2014 г. (*REF*) сообразно общей ориентации государственной политики на соответствие деятельности университетов общественному запросу индикаторы почтения заменены на индикаторы влияния (*impact*) исследований на общество в целом. Исследовательский продукт и среда будут весить меньше: 65 и 15 % оценки соответственно. Вес индикаторов влияния – 20 %, но в дальнейшем его планируется поднять [6, p. 1]. Индикаторы влияния оцениваются с помощью механизма экспертного рецензирования (*expert review*) представленных университетами случаев (*case-studies*). Эти случаи могут включать любое социальное, экономическое или культурное воздействие за пределами академического мира за предшествующие кампании 10 лет. Университеты должны предоставлять информацию на предмет того, как они обеспечивали это воздействие. Простое распространение информации о результатах

(*dissemination*) не классифицируется как индикатор влияния. В подаваемый университетским подразделением пакет документов включается как минимум один случай плюс другие случаи из расчета не менее одного случая на 10 сотрудников с полными контрактами. Таким образом, каждое университетское подразделение подает информацию минимум о двух случаях исследовательского воздействия. В специальную форму заносится информация об исследовании и его качестве, способах и степени воздействия и даются ссылки на независимые источники, которые могут подтвердить наличие и меру воздействия. Для оценки влияния «пользователи» (*research users*) из частного, публичного или третьего секторов включаются в работу секции, проводящей экспертизу, наравне с академическими деятелями [6, p. 4].

Оцениваются работы и знаки почтения (индикаторы влияния), созданные и собранные (1) руками академических кадров, выполняющих исследовательскую и/или преподавательскую работу как основную составляющую их должностных обязанностей, и (2) независимыми, но активными исследователями, чья работа связана с работой департамента; связь должна быть продемонстрирована документально [3, p. 8]. Учреждение не обязано включать работы всех своих сотрудников в процедуру подачи документов и оценивания. Оно выбирает сотрудников для «подачи» в *RAE*.

Исследовательским продуктом являются: журнальные статьи, книги, главы в сборниках, сборники, исследовательские отчеты (государственным и частным организациям) и другие материалы, которые отображают результаты проведенных авторами оригинальных исследований. В 2008 г. субсекции не должны были рассматривать один тип продукта (например, статью) как имеющий преимущество перед каким-либо другим (например, главой в сборнике). Импакт-факторы журналов не используются как мера для оценивания качества [3, p. 10]. В документации отдельных субсекций может дополнительно уточняться, что «социология есть дисциплина, в которой отсутствует иерархия журналов, и субсекция признает, что работа высочайшего качества может быть найдена в разных типах изданий» [3, p. 46]. Материалы учебных курсов и учебники классифицируются только в том случае, если они инкорпорировали оригинальные исследования автора в том значении «исследования», которое используется *RAE* [3, p. 46]. Кроме исследовательского продукта в кампании 2014 г. будет учитываться информация о цитировании – как дополнительная информация, подтверждающая значимость исследования [7, p. 10].

Для оценивания качества продукта используется пятизначная шкала со следующими рангами (курсив далее наш, чтобы показать иногда чрезвычайно тонкие различия между рангами):

«4* – качество мирового лидера (*world-leading*)... является... *первой* (*primary*) отправной точкой в данной области».

3* – превосходное международное (*internationally excellent*) качество «с точки зрения оригинальности, значимости и точности... однако слегка уступает первоклассным стандартам... но является или с большой вероятностью станет *главной* (*major*) отправной точкой, которая существенно продвинет знания в данной области».

2* – качество, которое имеет международное признание (*recognized internationally*) со всех тех же точек зрения и которое «является или с большой вероятностью станет [без какого-либо эпитета] отправной точкой, которая существенно продвинет...»

1* – качество, которое имеет национальное признание (*recognized nationally*) и т. д. и т. п.

Неклассифицированное (*Unclassified*) – качество, которое «падает ниже уровня национально признаваемой работы или не соответствует заявленному определению исследования» [3, р. 46–47].

Ожидается, что каждый сотрудник представит не менее четырех продуктов за отчетный период (5 лет); можно выбрать лучшие исследовательские продукты из имеющихся. Специальная пояснительная форма должна быть заполнена на всех исследователей, которые предоставили менее четырех единиц исследовательского продукта. Экспертная группа знакомится в деталях со всеми исследовательскими продуктами, представленными департаментами.

На стадии подачи разворачивается часть наиболее драматических сюжетов, связанных с RAE. Документы, представленные от университета по конкретной дисциплине, должны быть каким-то образом отобраны, и различные инстанции внутри университета претендуют на то, чтобы подать свой голос в этом вопросе:

...разные университеты принимают эти решения разными способами и на разных уровнях. Если это очень серьезный исследовательский университет, то планирование начинается в тот день, когда результаты предыдущей RAE становятся известными. Будет создан комитет, обладающий правом решать, какие дисциплины этот университет будет представлять для оценивания, а какие не будет и чьи достижения будут представлены. Но в некоторых институциях мы всегда слышим истории о решениях, принятых

даже без консультации с департаментом – людьми, которые ничего не знают о предмете. То есть, возможно, вице-канцлер⁹, который является химиком, принимает решения по поводу философии и даже не разговаривает по этому поводу с философами. Но в хорошо управляемых институциях, которые понимают [правила], конечно же, обычно есть член секции по данному предмету. Я имею в виду, что если мы возьмем, для примера, Лондонскую школу экономики, когда они решают... чьи работы по политологии будут поданы для оценивания, а чьи не будут, то всегда неизбежно будет кто-то из Лондонской школы экономики в составе секции по политологии. И поэтому у них будет гораздо больше инсайдерской информации о том, что там происходит и т. п. Но не существует национального эталона. Он может меняться. В университетах, которые имеют сильных деканов, декан факультета социальных наук будет, вероятно, влиять на решение о том, какой продукт подается от социальных наук. Другие университеты не имеют факультетов и не имеют деканов. В N [один из «университетов XIX века»] специальный субкомитет исследовательского комитета принимает такие решения. Это субкомитет из членов RAE. И внутри каждого департамента глава департамента или директор по исследованиям будет разговаривать с людьми: «Какие публикации ты ожидаешь получить? Если они не достаточно хороши, сделай с этим что-нибудь». Но я уверен, что есть множество учреждений, где никто даже не задумывается о RAE...

Муж., 1940-х гг. р.,
профессор, «университет XIX века»

Там, где инсайдерской информации от членов прошлых секций нет, решения принимаются на основании искаженных и иногда попросту неверных сведений:

Каждый из нас готов скорее встретиться лицом к лицу с расстрельной командой, нежели дискриминировать работу на том основании, что это работа в рамках гей-лесби-исследований (*gay and lesbian studies*). Но случается, что университетский менеджмент не допускает до оценивания людей с работами по квир-теории, потому что считает, что «секция не примет ЭТО как социологию». И вы не можете заставить университетских менеджеров отказаться от мысли о том, что они точно знают, как именно секция будет работать. Я вполне уверена, что вы можете

⁹ Вице-канцлер (*vice-chancellor*) – глава исполнительной власти в университете, аналог российского ректора.

найти университетских менеджеров, которые недооценили какие-то работы как потенциальный продукт для RAE и при этом скажут вам, что в социологии сейчас существует иерархия журналов.

*Жен., 1940-х гг. р.,
доцент (Reader), «университет XIX века»*

Кажется, что бедствие было особенно масштабным в университетах «пост-1992», в которых решения принимались в более автократичной манере про-вице-канцлерами¹⁰:

Я думаю, что в большинстве случаев их подход к оцениванию направлялся про-вице-канцлером. И получается так, что, когда про-вице-канцлеры смотрят на стратегии оценивания, они подходят к делу с точки зрения своих дисциплин. А многие про-вице-канцлеры из естественных наук и не обязательно принимают во внимание отличия одной науки от другой. Поэтому вы получаете давление в сторону однотипности поданного [продукта]. Очень часто предполагается, что нужно публиковаться в журналах, в топовых журналах, и что публикация главы книги есть что-то неприемлемое для RAE. Но в социологической секции мы рассматриваем эти типы публикаций как равные, мы читаем их и пытаемся оценить их. Я все еще слышу, что в некоторых учреждениях советы от менеджеров – это искать возможности публиковаться в журналах, даже если это может быть неуместно для конкретной дисциплины. Я помню, что в предыдущей RAE один выдающийся экономист боялся, что он не может подать... Он думал, что его лучшая статья была в Кембриджском экономическом журнале (*Cambridge Journal of economics*). И ему пришлось подать худшую статью, потому что она была в хорошем журнале.

*Муж., 1940-х гг. р., профессор,
про-вице-канцлер, «пост-1992» университет*

Но даже обладание полной инсайдерской информацией и готовность внимать экспертам не избавляет университет от волюнтаристского принятия одного стратегического решения: сколько работ и по каким дисциплинам он хочет представить. Государственное исследовательское финансирование зависит, с одной стороны, от числа «поданных» ученых от университета, с другой – от среднего балла, полученного их статьями. Это ставит университеты перед выбором: подать

много и получить меньший балл – или подать меньше заявок и получить более высокий балл. Лидирующие университеты, ощущающие себя элитой, однако, скорее отказались бы от денег вообще, чем согласились бы показать себя менее выдающимися, чем они есть.

Департамент обычного университета может решить, что каждый, у кого есть четыре публикации, будет включен в список оцениваемых. Элитный университет решит, что каждый, у кого есть четыре публикации в ведущих журналах, будет включен. Хорошую аналогию здесь дает спорт. Подумайте об олимпийских играх: если в вашей стране есть легкая атлетика, она хочет участвовать в олимпийских играх и гордится уже только тем, что кто-то попал туда, они могут включить в команду кого-то, кто выйдет из игры на первом же этапе. Но супердержава, такая как Америка, организует высококонкурентные испытания еще при определении состава сборной. И все три человека, которых они отправляют на дистанцию в 1000 метров, потенциально золотые медалисты. И если бы вы были Эджиллом, где для кого-либо крайне удивительно иметь четыре публикации где-либо, то каждый, опубликовавший четыре текста, может быть включен для оценивания. Только потому, что можно сказать, что вы прошли RAE. В 2008 г. W [педагогический колледж], например, получил единицу [1*, т. е. вторую снизу оценку] для 12 % своего персонала. Так вот если у нас в N [«университет XIX века»] эти 12 % собираются получить единицу, то они не будут включены совсем. Нам непозволительно включить кого-то, чьи публикации не заслуживают четверки или хотя бы тройки.

*Муж., 1940-х гг. р.,
профессор, «университет XIX века»*

Другое стратегическое решение состоит в том, играть или не играть с секцией в «игры». Одно из положений, которое весьма затруднительно определить жестко и которое допускает всевозможные хитрости, заключается в том, сколько и на каких условиях должен сотрудник работать в университете, чтобы стать *подаваемым* от него. И часть университетов решалась на трюки, которые секция, в свою очередь, стремилась предотвратить:

Существуют противоположные силы, ведущие к изменениям. Одна – это стремление HEFCE остановить то, что они называют «играми», а можно назвать падением академических стандартов. Другая – это стремление примерно сотни университетов максимизировать свои

¹⁰ Про-вице-канцлер (*pro-vice-chancellor*) – заместитель вице-канцлера, аналог российского проректора.

выигрыши так, как это возможно. И есть некоторые очень умные люди. Поэтому в некотором смысле все это похоже на игру, в которой HEFCE устанавливает некоторые правила, а университеты находят способы обойти эти правила. И в следующий раз HEFCE меняет правила, для того чтобы это предотвратить. И так далее. Поэтому если вы специально посмотрите, например, на правила по поводу того, кто допускается к оцениванию, кто может быть подан, то увидите, что они постоянно меняются, потому что есть проблемы с людьми, которые недавно появились или имеют контракты с частичной занятостью и т.п. В последней RAE было разрешено включать людей с частичной занятостью, поэтому у нас были неразборчивые департаменты социологии, которые нанимали высокостатусных американцев на один день в году. Конечно же, мы не являемся непроходимыми идиотами, и в большинстве случаев это провоцирует ответный огонь. Мы обычно думаем, что департамент, который делает вещи такого рода, очевидно не является хорошим департаментом.

*Муж., 1950-х гг. р., профессор,
директор исследовательского инсти-
тута, «стеклянный» университет*

Поскольку комиссия не связана, по сути, никакими формальными регуляциями, она может сколько угодно занижать баллы за попытки обмануть себя. Тем не менее на любом крупном факультете в Британии недовольные докторанты расскажут вам о выдающихся американских ученых, которые присутствуют на странице со списком сотрудников, но которых они ни разу не видели.

Каждый исследовательский продукт читается как минимум двумя членами рецензирующей группы, классифицируется и затем инкорпорируется в оценку уровня качества (*quality level*) продукции департамента. В случае если сотрудник представил меньше четырех исследовательских продуктов по уважительной причине, при оценивании уровня качества исследовательской активности департамента учитываются только оценки представленных продуктов. В случае если сотрудник представил меньше четырех продуктов по неуважительной причине, то отсутствующие продукты оцениваются как «неклассифицированное», эти оценки учитываются вместе с оценками за представленные продукты при составлении агрегированной оценки уровня качества исследовательской активности департамента [3, р. 51].

«И вы действительно все это прочитали?»¹¹: восприятие и последствия RAE

И печатные и устные источники сходятся во мнении: введение RAE, во-первых, сильно трансформировало британскую академическую среду, во-вторых, является предприятием легитимным [10, 5]. Процедура стала очень важной для исследователей и их работодателей, так как представляет собой инструмент создания и поддержания публичной репутации и получения финансирования. Многие университеты постарались купить активных исследователей и их библиографии, чтобы улучшить свою позицию в RAE. По мнению М. Троу, такое поведение было рациональным и ориентированным на рынок – но не тем поведением, которого хотел добиться HEFCE.

Социологическая элита – те, кто участвует в деятельности экспертных комитетов RAE, комитетов HEFCE и работает в высокостатусных департаментах, – представляет RAE как крайне успешное, легитимное предприятие, наилучший результат государственной социальной инженерии. Они говорят о добросовестности экспертов, тяжелой работе, нетривиальных результатах и историях успехов некоторых департаментов. С их точки зрения, баланс сил и финансовые потоки посредством RAE в социологии были перераспределены.

Крупный академический босс описал свой опыт калькулирования выигрышей для «стеклянного» университета в RAE-соревновании следующим образом:

Это был очень успешный пример социальной инженерии. Правительство хотело поднять исследовательскую продуктивность и распределять ресурсы более эффективно в наиболее продуктивные исследовательские центры. Я думаю, оно этого добилось. Большинство учреждений восприняли RAE очень серьезно. Можно утверждать, что они позволили принципам RAE доминировать в своей исследовательской практике и своих приоритетах. RAE воспринимается исследователями – как индивидами – очень серьезно. Это очень важный источник индивидуального престижа и власти. Нет сомнений в том, что пропорция тех, кто занимается исследованиями, а не просто преподаванием, очень сильно возросла даже в престижных учреждениях, таких как Оксфорд. Без сомнения,

¹¹ «Have you read them all?» – вопрос, который был задан известной британской телеведущей Селиной Скотт одному из членов жюри Букеровской премии и использован для заголовка статьи в популярной газете «Гардиан», посвященной дискуссии вокруг RAE.

университеты нашли много разных способов избавиться от не-исследователей и заменить их исследователями. Ранняя пенсия, компенсирующие выплаты, перемещение с академической роли на менеджеральную... Интересно, что это было сделано скорее в целях поддержания престижа и репутации, а не в целях получения денег. Потому что финансовые выигрыши... были, но они были не так велики. В моем бывшем университете *N* [«стеклянный» университет], который хорошо выступал в RAE, имел хорошую исследовательскую репутацию и где участие в RAE было чрезвычайно важным для исследовательского сообщества... мы как-то спроецировали лучшие результаты, которые могли мечтать получить в RAE, и худшие, которые боялись получить, и посмотрели, каковы различия в финансовых перспективах. И, как ни удивительно, они не были такими уж значительными. Хотя имели место не прямые экономические эффекты, которые было гораздо сложнее измерить. Но в исчислении финансирования, которое можно было получить у государства, мы имели... Когда я оставил университет, размер текущего счета был сотня миллионов фунтов. А деньги, которые шли от финансирующих советов, на основании оценивания RAE, были всего около восьми миллионов фунтов. И если бы мы получили результаты нашей мечты, они бы выросли до девяти миллионов. А если бы мы получили кошмарные результаты, они бы снизились до семи. Я хочу сказать, что это было совсем немного. Хотя, конечно, есть ваша позиция в рейтингах [RAE-баллы, как среднее арифметическое для университетов, так и отдельные для дисциплин, учитываются в рейтингах общенациональных газет]. И то, как хорошо департамент себя показал, создает разницу в качестве и количестве студентов, которых он рекрутирует, особенно иностранных студентов, и в докторантских работах, и качестве нанятых академических сотрудников. Поэтому RAE была очень важна. Но прямые финансовые последствия не были так велики. И если бы мы были заинтересованы только в деньгах, то были другие пути, с помощью которых мы могли улучшить наши финансы, гораздо более простые и требующие меньше инвестиций. Например, иностранные студенты будут платить в среднем десять тысяч фунтов. Поэтому вам нужно только сто дополнительных студентов, и вы получите миллион. И гораздо проще рекрутировать другую сотню иностранных студентов – есть множество способов сделать это, – чем... чем улучшить

ваши исследовательские показатели настолько сильнее других институций, чтобы вы смогли забрать миллион из общего котла, из фиксированной суммы, которую другая институция уже бы не получила. Но, как бы то ни было, RAE важна. Причина этого – в той легитимности, которую она имеет внутри академического сообщества. Она в целом воспринимается как честная и приемлемая. Некоторые академические люди ворчали и будут ворчать по поводу деталей RAE, но они приняли ее принципы, потому что рецензирование производилось равными. Их оценивали товарищи по академическому цеху.

*Муж., 1940 г. р., глава (master)
Оксбриджского колледжа*

Как ни странно, эта апологетическая версия была в целом принята другими информантами¹².

Следует заметить, что RAE довольно сильно трансформировала минимальные требования к деятельности сотрудников, занимающих академические позиции. Если посмотреть на список требований для прохождения испытательного срока и получения повышения по службе, то мы увидим, что они сформулированы в терминах, отсылающих нас к описанию требований к отчетам RAE.

Национальные СМИ по итоговым официальным документам RAE составляют различные рейтинги, в основном агрегированные: исходя из рейтинга департаментов создаются комбинированные рейтинги университетов. Вряд ли кто-то удивится, узнав, что в них доминируют Оксфорд и Кембридж. Важно отметить, однако, что рейтинги, сконструированные на основе оценок RAE, имеют особенность, которая отличает их от Шанхайского и ему подобных. Поскольку усредняются показатели экспертных оценок по департаментам, все дисциплины потенциально вносят в оценку университета равный вклад. Это охраняет социальные и гуманитарные науки от двойной дискриминации, которой они подвергаются при использовании библиометрических показателей на уровне университета, где выигрывают большие и быстрые, производящие много публикаций в соавторстве и привлекающие много цитирований дисциплины.

Критика RAE в основном развивалась в двух направлениях, и эти направления отчасти противоречат друг другу. С одной стороны, кампании критикуют за несоизмеримость затрачиваемых средств и достигнутых финансовых результатов. Если официальной целью RAE было существенное

¹² Отметим, однако, еще раз специфичность их отбора.

перераспределение правительственных средств в пользу самых продуктивных, то эта цель не была достигнута, так как наблюдаемое по результатам оценивания распределение относительно равномерное и абсолютная разница между получившими наибольшее и наименьшее финансирование относительно невелика. Джонатан Вульф подсчитывает ее для философии в «Гардиан»: правительство было намерено распределить 9 млн фунтов между 470 исследователями, что дает в среднем чуть меньше 20 тыс. на исследовательскую душу. По результатам оценивания, 80% исследователей получают от 16 до 22 тыс., 20% верхушки, которые ожидали, что золотые реки потекут к ним, получают в среднем 25 тыс. [11]. Похожие калькуляции с разочаровывающими результатами описаны с позиции крупного университетского менеджера в предыдущей цитате из интервью. Единственное «но» здесь создает тот факт, что оба рассуждения приведены представителями той части академического мира, которая зарабатывает средства с помощью дешевых гуманитарных и социальных наук, а для естественных наук разница между выигрышами лучших и худших может быть больше.

Второе направление критики: *RAE* привели к тому, что основные человеческие и материальные ресурсы еще больше сконцентрировались в элитных университетах [9]. Джеффри Олдерман на сайте «Гардиан» говорит об институциональной одержимости *RAE* и при этом замечает, что представители каждой дисциплины знают, каковы будут результаты, поскольку иерархии устойчивы. Он утверждает, что с парой коллег может за пару часов набросать топ-лист по ряду дисциплин следующей *RAE*, поскольку наверху оказываются те, у кого больше всего ресурсов [1]. Похожий аргумент звучит в интервью:

Эффекты *RAE* достаточно селективны. Она способствует финансированию хороших университетов и хороших департаментов и оставляет по-настоящему плохим очень немногое, ничего. Безусловно, есть люди, которые считают, что это все неправильно. Оно должно быть либо неселективным, либо почти неселективным. Аргумент состоит в следующем: если все ваши исследования концентрируются в очень небольшом числе очень хороших учреждений, то по всем основаниям это плохая идея. Это, например, означает, что от студентов в департаментах с низкими *RAE*-баллами не ожидают, что они будут хорошими исследователями. Это означает, что людям нужно быть географически мобильными, если они хотят быть хорошими исследователями, потому что

они могут заниматься исследованиями только в Лондоне или Эдинбурге – или где-либо еще, но не там, где им случилось быть.

Тот же информант, впрочем, оценивал оппозицию *RAE* как незначительную и локализованную, как ни странно, среди администраторов, а не самих ученых:

Я думаю, что единственные люди, которые составляют оппозицию ее принципам, – это главы больших учреждений, больших университетов. И это потому, что им приходится нести расходы по подготовке персонала к ней. И еще потому, что они воспринимают ее как что-то сокращающее их контроль. Я предполагаю, что очень мало академических людей, которые находятся в оппозиции к ее принципам, могут быть в оппозиции к тому, как она организована... Но я не думаю, что *RAE* как система будет отменена. Я не думаю, что вы найдете очень много людей [выступающих за ее отмену]... Возможно, это люди в финансово-экономических отделах и вице-канцлеры больших университетов.

Муж., 1950-х гг. р., профессор, директор исследовательского института, «стеклянный» университет

Наиболее организованная оппозиция, однако, объединяет не вице-канцлеров, а рядовых сотрудников. Во главе ее находится Ассоциация университетских преподавателей (*Association of University Teachers*), профсоюз, отстаивающий права наемных работников, поскольку *RAE* оправдывались действия, направленные на закрытие департаментов с хорошими репутациями и набором студентов, многочисленные увольнения, дискриминационные действия, ограничение исследовательских возможностей и исследовательского разнообразия вследствие очень сильной концентрации исследовательского финансирования.

Кроме того, есть неорганизованная оппозиция, в основном со стороны гуманитарных дисциплин (*arts and humanities*), которая регулярно выступает на страницах образовательных приложений общенациональных газет¹³. Эта оппозиция ставит под сомнение добросовестность сотрудников секций. Так, например, в статье Джона Сазерленда «Действительно ли судьи *RAE* читают все поданные работы?» дается ответ: «Они не смогли бы, если бы попытались», – и рассказывается анекдот,

¹³ Не ясно, состоит ли эта оппозиция только из представителей гуманитарных дисциплин, или же она представлена именно ими просто потому, что именно филологи и философы пишут в общенациональные газеты и вообще в целом больше пишут.

который, видимо, должен поставить под сомнение качество оценки. Сотрудники некоего департамента английской литературы, отправляя «исследовательский продукт», запечатывали каждый в полиэтиленовый пакет. Часть пакетов вернулась в департамент нераспечатанной. Сазерленд подсчитывает количество страниц, которое должен прочитать каждый из экспертов RAE в течение года, и говорит, что сделать это невозможно [8].

Станным для российского читателя образом, однако, среди критики RAE почти нет историй о коррупции, которая, как кажется, не может не расцвести при высокой степени произвола, который могли бы чинить эксперты, не обязанные ни перед кем отчитываться. Хотя теоретически читаемые тексты были анонимны и никто не оценивал коллег из собственного университета, отечественному критику было бы несложно придумать схему *qui pro quo*, которая позволила бы легко обойти эти незначительные затруднения. Мы донимали наших собеседников этими вопросами, но они не подтверждали наших подозрений:

Я не думаю, что можно утверждать, что такого никогда не случилось... Есть какое-то количество примеров очень интересного, изощренного статистического анализа отношений между участием [представителей университета] в секции RAE и результатами для институции. И там появляется связь между членством и хорошими результатами. Слабая, но она есть. Был ли во всем этом элемент сговора?.. Это очень сложно доказать, поэтому можно утверждать, что если отбор производился на основании качества экспертизы... то эксперты с большой вероятностью будут сотрудниками департаментов с высоким уровнем достижений.

Муж., 1940 г. р., глава (master)

Оксбриджского колледжа

Наблюдаемая корреляция, очевидно, вполне объяснима значительно более невинным механизмом, о котором упоминали предыдущие информанты: инсайдеры могли поставлять в родные университеты свежую информацию о том, какого типа работы заслуживают высоких оценок. Сами инсайдеры делились соображениями о конфликтах в работе комиссии, которые возникали, однако, не столько из-за столкновения корпоративных интересов, сколько из когнитивного диссонанса:

Я бы сказал, что самая напряженная ситуация в ходе RAE создавалась тогда, когда люди увидели, какие оценки получили работы, подписанные некоторыми большими именами. Например, у вас есть профессор А и профессор

В, читающие работу какой-то очень известной персоны. Когда мы потом во время встречи смотрели на оценки, А сказал:

— Как вы могли поставить работе профессора Х такую низкую оценку?

— Ну... ты ее читал?

— Э-э-э, нет, но ведь это профессор Х...

— Очень часто профессор Х делает хорошую работу, но эти четыре поданные были настоящим мусором. Поэтому мы и оценили их как мусор.

Или иногда, заканчивая оценивать учреждение, мы сводили все это вместе и говорили себе: «Черт! Это очень известное место, но посмотрите на эти оценки!» И потом, конечно, мы говорили: «Боже, они отправят кого-нибудь застрелить нас!» И еще мы говорили, даже чаще: «Они пойдут в суд. Точно». И иногда потом мы сидели и думали о том, убеждены ли мы в том, что поставили... Первая RAE... была особенно большим скандалом. Все думали, что социология в Глазго была хорошей, а они получили очень низкие оценки. От чего они так и не оправались. С тех пор Глазго никогда не был сильным игроком в социологии¹⁴.

Жен., 1940-х гг. р., доцент,
«университет XIX века»

Почему RAE в целом встретили так мало сопротивления и столкнулись с таким малым количеством проблем? Когда мы просили наших собеседников порефлексировать на эту тему, они обращались к универсалиям английской культуры, ссылаясь на глубоко присущие ей иерархичность, садизм и спортивный дух:

Английская культура — это культура, которая понимает иерархию гораздо лучше, чем плюрализм. Очень сложно вложить в голову англичанина ту мысль, что могут быть разные, но равные. Очень сложно заставить англичанина понять идею плюрализма разных типов институций, каждая из которых вносит разный, но тем не менее ценный общественный вклад. Когда дело касается англичанина, должна быть

¹⁴ Единственный лоббизм, в котором сами информанты признавались, был в пользу дисциплины, не институции: «Во многих секциях сильно чувствовалось стремление быть осторожным, чтобы не выставить свою дисциплину в плохом свете. Поэтому приходилось быть очень аккуратным, чтобы не оценить все так плохо, что твоими усилиями вся твоя дисциплина выглядела бы как мусор. И это создавало легкий противовес... мы знали, что, если бы средние отметки департаментов социологии были на много миль ниже средних отметок департаментов антропологии, это поставило бы под угрозу финансирование социологии в целом, это был бы повод давить на то, что социология — это мусор» (жен., 1940-х г. р., доцент, «университет XIX века»).

иерархия, кто-то должен быть хорошим и кто-то должен быть менее хорошим, как в футболе. Не может быть разных, но одинаково хороших футбольных команд. Некоторые лучше, чем другие. Поэтому рейтинги и все такое... являются таким важным источником репутации в Великобритании.

*Муж., 1940 г. р., глава (master)
Оксбриджского колледжа*

RAE работает только потому, что [эксперты] бесстрашны, честны и критичны... она работает только потому, что существует культура соревновательности. Потому что, если имеется культура комплексности, вы закончите тем, что каждый будет говорить: «Ну, вы все прекрасные люди, поэтому вы все делаете прекрасную работу!» В то время как британская система – не только RAE, все высшее образование – исследовательские деньги, публикации в топовых журналах, все – стала очень состязательной... Когда-то на британском флоте существовала игра... двести лет назад во флоте были маленькие мальчики, которых называли «мидели» и они были чем-то вроде юнг. С ними плохо обращались, и им было около четырнадцати. Офицеры и матросы имели обыкновение играть с ними в жестокую игру. Собирали всех маленьких миделей, ставили их в круг, а они снимали свои штанишки. И первый мальчик хлестал следующего прутом. А потом следующий мальчик хлестал следующего. И так шло по кругу, потому что каждый мальчик бил следующего мальчика сильнее, чем он сам был бит. Итак, это начинается с легкого шлепка, а спустя некоторое время они порют друг друга. А все вокруг смеются над тем, что эти мальчики порют друг друга, хотя никто не просил их это делать. И это и есть то, что британские университеты сейчас делают друг с другом. У нас есть система, с помощью которой можно пороть друг друга... все более и более состязательная, больше и больше критического оценивания себя и других. Это что-то... никто не велел нам так себя вести, но система спроектирована [в расчете на эту склонность]. Это означает, что она становится очень-очень иерархичной и соревновательной системой, потому что... Двадцать лет назад была государственная политика, ориентированная на преобразование университетской системы в очень иерархическую. Предполагалось, что будут исследовательские университеты, преподавательские университеты, смешанные университеты. И каждый говорил: «Нет, это невозможно, это

противоречит философии университетского образования. Мы все исследователи. Каждый является ученым!» А в итоге получилось, что университеты именно это и сделали сами с собой... Из этой культуры вышли все эти ранги, все эти иерархии и, конечно, потоки денег. То есть она стала самовоспроизводящейся. И она превратилась в систему... все порют друг друга. В некотором смысле множество людей в высшем образовании, в британских университетах, хотя они, возможно, не признаются в этом даже себе, на самом деле получают от всего этого большое удовольствие. Им нравится быть в топе, им нравится соревноваться. Им нравится управлять университетом. Им – это людям верхушки. Один вице-канцлер сказал: «Знаете, управлять университетом – это как быть хорошим футбольным менеджером. Мы находим лучших людей, нанимаем их и делаем из них команду». Команду, знаете, лауреатов Нобелевской премии или чего-то еще. И многих людей выкидывают отсюда [из этой системы], выкидывают, чтобы заменить другими... Конечно, это очень увлекательно, если вы из топа, вы лучший в Британии. Но это все выглядит совсем по-другому из Вулверхэмптона...¹⁵ Там для вас это борьба за выживание. Это как быть клубом из самого низа футбольной таблицы.

*Муж., 1940-х гг. р.,
профессор, «университет XIX века»*

Могло бы RAE быть успешной инициативой в менее соревновательной культуре? Наши информанты отвечали на этот вопрос отрицательно, и здесь мы склонны к ним присоединиться. Помещенная в другой контекст, RAE эволюционировала бы в одном из двух направлений. Первым могло быть превращение в механизм лоббирования интересов «ведущих университетов», представители которых делили бы основное финансирование между собой и оставляли нижестоящим ровно столько, сколько необходимо, чтобы заручиться нужными результатами следующей номинации. Вторым направлением могла быть полная эгалитарность, в которой каждому выделялось бы поровну и отрицалось бы существование какого-либо неравенства в исследовательском потенциале. Мы видели примеры как того, так и другого в нашем сравнительном исследовании.

Другой вопрос, однако, более интересен: может ли под воздействием реформаторов измениться

¹⁵ Обозначение для молодого, непрестижного и малоресурсного университета в отдаленном от крупных экономических и политических центров городе.

сама культура? Обобщения, противопоставляющие, например, британскую (или французскую) и российскую культуру, пользуются в социологии дурной славой. Мы не можем сказать, что российская культура в целом несоревновательна и чужда спортивному духу – иначе футбол никогда не стал бы здесь той национальной манией, которой он является. Проблема не в присутствии духа как такового, а в том, к каким сферам жизни он считается применимым. Дело не в том, что в России не болеют за любимую команду – достаточно пройти мимо стадиона в день важного матча, чтобы убедиться, что это не так, – а в том, что университет не воспринимается ни администраторами, ни преподавателями как команда, за которую можно и нужно болеть, в которую следует нанимать легионеров и из которой надо изгонять потерявших результативность игроков. Могут ли институциональные реформы создать связку между спортивной моделью восприятия и академической сферой? Можно ли, раз за разом ставя университеты в состояние соревнования за места в рейтинге, пробудить в их обитателях спортивные добродетели (и спортивные пороки)? Восхищение *RAE* со стороны руководителей национальных министерств науки по всему миру позволяет ожидать, что мы со временем узнаем ответ на этот вопрос.

1. Alderman G. We should abolish the RAE altogether // The Guardian. 2007. 6 November [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/education/2007/nov/06/highereducation.researchassessmentexercise> (дата обращения: 24.10.2014).

2. Perkin H. J. The academic profession in the United Kingdom // The academic profession: national, disciplinary, and institutional settings / ed. by B. R. Clark. University of California Press, 1987. P. 13–59.

3. RAE 01/2006 (J) RAE 2008: Panel criteria and working methods: Panel J. 83 p. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.rae.ac.uk/pubs/2006/01/docs/jall.pdf> (дата обращения: 24.10.2014).

4. RAE 03/2004: Units of assessment and recruitment of panel members. 17 p. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.rae.ac.uk/pubs/2004/03/> (дата обращения: 04.10.2014).

5. RAE 2008 UOA 41 subject overview report. 8 p. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.rae.ac.uk/pubs/2009/ov/> (дата обращения: 28.10.2014).

6. REF 01.2011: Decisions on assessing research impact. 8 p. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.ref.ac.uk/media/ref/content/pub/decisionsonassessingresearchimpact/01_11.pdf (дата обращения: 23.10.2014).

7. REF 02.2011: Assessment framework and guidance on submissions. 62 p. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.ref.ac.uk/pubs/2011-02/> (дата обращения: 28.10.2014).

8. Sutherland J. Do the RAE judges read all the research submitted? // The Guardians. 2009. 5 March [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/education/mortarboard/2009/mar/05/rae-research-universities> (дата обращения: 28.10.2014).

9. The Changing Governance of the Sciences. The Advent of Research Evaluation Systems / ed. by R. Whitley, J. Glaser. Dordrecht: Springer, 2007. 180 p.

10. Trow M. Trust, Markets and Accountability in Higher Education: A Comparative Perspective // Higher Education Policy. 1996. Vol. 9. No. 4. P. 309–324

11. Wolff J. The RAE — what would we talk about without it? // The Guardian. 2009. 5 May [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/education/2009/may/05/jonathan-wolff-rae> (дата обращения: 28.10.2014).

